

Смена
в Ленинграде

Театр начинается со своего пристанища. Прекрасен энтузиазм молодых, которые ночами, в малоприспособленном помещении готовят первый самостоятельный спектакль. Прекрасен... поначалу. Профессиональный коллектив не может существовать вечно в состоянии бездомном. А иногда статус театра приходит слишком поздно, когда многое растеряно в борьбе с организационными трудностями. Тем более велика заслуга театра-студии «Время», живущего с 1978 года надеждами на стабильное положение. Удивительно, но он сумел себя сохранить в главном. Выросший из одного выпуска Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, театр учебу не прекращал. Кроме того, в последних работах вместе со «старичками» появились сегодняшние дипломники. Рядом с ними расслабляться неудобно. И, конечно, выступать помогло упорство руководителей, педагогов А. Н. Куницына и Г. А. Барышевой.

Упорство не пропало втуне. Как будто сейчас надежды сбываются. В рабочем районе Нарвской заставы построен театрально-концертный зал «Время». Пока драма соседствует на сцене зала с разными ансамблями, хотя есть основание думать, что молодые актеры наконец станут полными хозяевами этого небольшого (на 250 мест) помещения, самой архитектурой предназначенного для театрального представления.

«Время», его руководители завоевали право на театр не только долготерпением. Студия сформирована из молодежи и обращается к своим сверстникам. А потребность молодежной аудитории в театральном искусстве сегодня далеко не удовлетворена. Существенно и другое: название «Время» взято не ради красного словца. Судя по выбору репертуара, театр умеет слушать эпоху, попадает в самую сердцевину сегодняшних проблем. «Характеры» В. Шукшина, «Синие кони на красной траве» М. Шатрова, «Сашка» В. Кондратьева, «Вагончик» Н. Павловой — пьесы, инсценировки, в которых авторам удалось достичь органичного сплава публицистики, жизненной узнаваемости и художественной выразительности.

Не случайно студия «Время» открыла сезон в новом здании премьерой «Вагончик».

Действие спектакля разворачивается вокруг судебного разбирательства: три девочки-подростка жестоко избили свою подругу. Обращение Н. Павловой к хронике воспринимается в контексте схожих по теме произведений, газетно-журнальных выступлений. Очевидно, серьезный разговор о детской жестокости назрел. Не в том, разумеется, дело, что надо

осудить и призвать к порядку несовершеннолетних хулиганов. Театр стремится понять истоки жестокости, найти ее питательную среду. Привычные штампы мышления предоставляют ответ, лежащий на поверхности: причина в бездуховности. Но в чем причина самой бездуховности?

троих». К тому же «потерпевшая» Вера Арбузова (А. Власова) со скулящими интонациями, бегающими глазами школьной ябеды не внушает особого сочувствия вместе с вульгарной, угодливой буфетчицей-матерью (О. Иванова). Однако заседание продолжается, и казавшееся простым, забавным обретаем неожиданную драматичность и масштаб. Черты судебного протокола размываются, частный повод отходит на задний план, и оказывается: здесь, на маленькой площадке, отгороженной глухим забором (художник В. Толщин), собрались люди решить всем миром, как им жить дальше.

ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

ДО САМОЙ СУТИ

стремятся дойти в своем искусстве
молодые актеры театра-студии
«Время»

Пьеса Павловой и постановка А. Куницына и Г. Барышевой как раз и привлекают желанием отбросить легкие ответы и докопаться до сути, привлекательны своим исследовательским пафосом. Речь идет не о любовном пафосе, излишне ощущимом в исполнении ролей корреспондента Дебриня (А. Половцев) и его подруги Лили (С. Марченко). Настоящий разговор ведется в форме, чуждой пустой декларативности.

В пролога рабочий со стройки опрокидывает прямо перед зрителями первого ряда тачку с песком, из-за кулис выбрасывают на середину площадки картонную коробку. Нас как бы предупреждают: не ждите красивого зрелища, эффектных ситуаций, ослепительных героев. Перед вами предстанет жизнь со всей ее обыденностью, суетой, не обесцудите, если начекаем залпачкаем.

Поначалу мы вместе с ироничным, равнодушно-вежливым адвокатом (В. Щукин) склонны не преувеличивать значение происходящего. Подсудимые 16—17-летние, конечно, раздражают грубо размазанными физиономиями, полным «джентльменским» набором шуток и жестов беспризорных девчонок. С другой стороны, что с несмышленной взять, коли у них «полторы извилины на

Пятерых девчонок относят к разряду «трудных» детей. Впрочем, о каком действе может идти речь, когда каждая из них уже столкнулась с тяжелой изнанкой действительности. Сумрачная, затаявшаяся, глядящая исподлобья Галя Хорева (О. Сивова) в 17 лет стала матерью-одиночкой, инфантильная Цыпкина-младшая с манерами «Маши-растеряши» (С. Ефремова) не раз пряталась в подвале от побоев алкоголика-отца, кривляка и начинающий демагог Зина Пашина (М. Веселова) с двумя невинными девичьими косичками в 14 лет попала на позорный стенд вырезателя. И не зря красивая, гордая Инга Белова (М. Тхоржевская) живет, стиснув зубы, всем своим поведением бросая вызов окружающим. Она успела познать муку одиночества, домашнего разлада и неприязни, предубеждения против «начальниковой дочки».

А взрослые? Разве не трудный случай представляют самоуверенный, вальяжный таксист Семин (С. Калядин) или городская сплетница старуха Грибова (Т. Леонова). Не могут они сдержат своего ликования при виде обнаружившейся грязи, беспорядка, несправедливости. А разве не «трудные» взрослые — оскорбленная в семейной неустойчивости, омужившаяся прокурор (Н. Фоменко), загордив-

шийся работой от людей, внутренне напряженный архитектор Белов (В. Фадеев)? Причины несхожи, и тем не менее почти все участники заседания жестоки с другими. Каждому больно, и он старается защитить себя от боли равнодушием, скепсисом, неверием.

«Если ничего хорошего не ждать, избавишься от неминуемого разочарования», — так рассуждают многие молодые и старые. Ан нет, душа умирать не хочет, сопротивляется, сквозь приговоренные преграды просачивается пусть маленькая, но надежда, мечта. И потому кульминационная сцена судебной хроники — ночной эпизод перед вынесением приговора — решен театром поэтически приподнято. Двери «вагончиков», разъединяющих жителей поселка Иня, распахиваются и делают их прекрасными в своей незащищенности и взволнованности.

В целом «Вагончик» — спектакль ансамблевый, без расчета на исполнителей «звезд», однако в предфинальной сцене всеобщего откровения и ожидания нельзя не выделить Цыпкину-старшую (С. Гайтан). Ее тещедушная, маленькая фигурка в деревенском застиранном платьице, разноцветных ботинках не по размеру, с первого мгновения привлекает внимание фотографической точностью схваченного типа. Впрочем, «простонародную» внешность имитировать легко — взгляд заgrimировать трудно. Из больших глаз Цыпкиной на изможденном лице струится яркий свет любви и жалости к людям. Не погасили его многочисленные обиды безрадостной жизни.

Настроенные таким «камертоном» исконной, неистребимой материнской любви, мы воспринимаем как закономерный поступок судьбы (Е. Шиманович). Взвесив на весах человечности и гуманности прошлое и будущее, нелегкую судьбу забывшихся девчонок, девушек, застрашенных матерей, а также их далеко не безгрешных родителей, он перевернул своим приговором души завершившихся в добре. Катаксис, пережитый в заключительной сцене действующими лицами и, смело скажу, зрителями, стоит дорого, и это дорогое хочется сохранить, дать возможность пережить большему числу людей: юных и достаточно зрелых.

Пока студия «Время» известна немногим, любители театра не освоили зала на проспекте Стачек, 105. Но будем надеяться, театр не останется один в замкнутом «вагончике». Придет публика и откроет для себя целую когорту молодых, способных актеров, откроет новое театральное сообщество, отыскивающее свой путь в искусстве.

Е. СОКОЛИНСКИЙ,
кандидат искусствоведения

СМЕНА
г. Ленинград

1978

№ 2

2